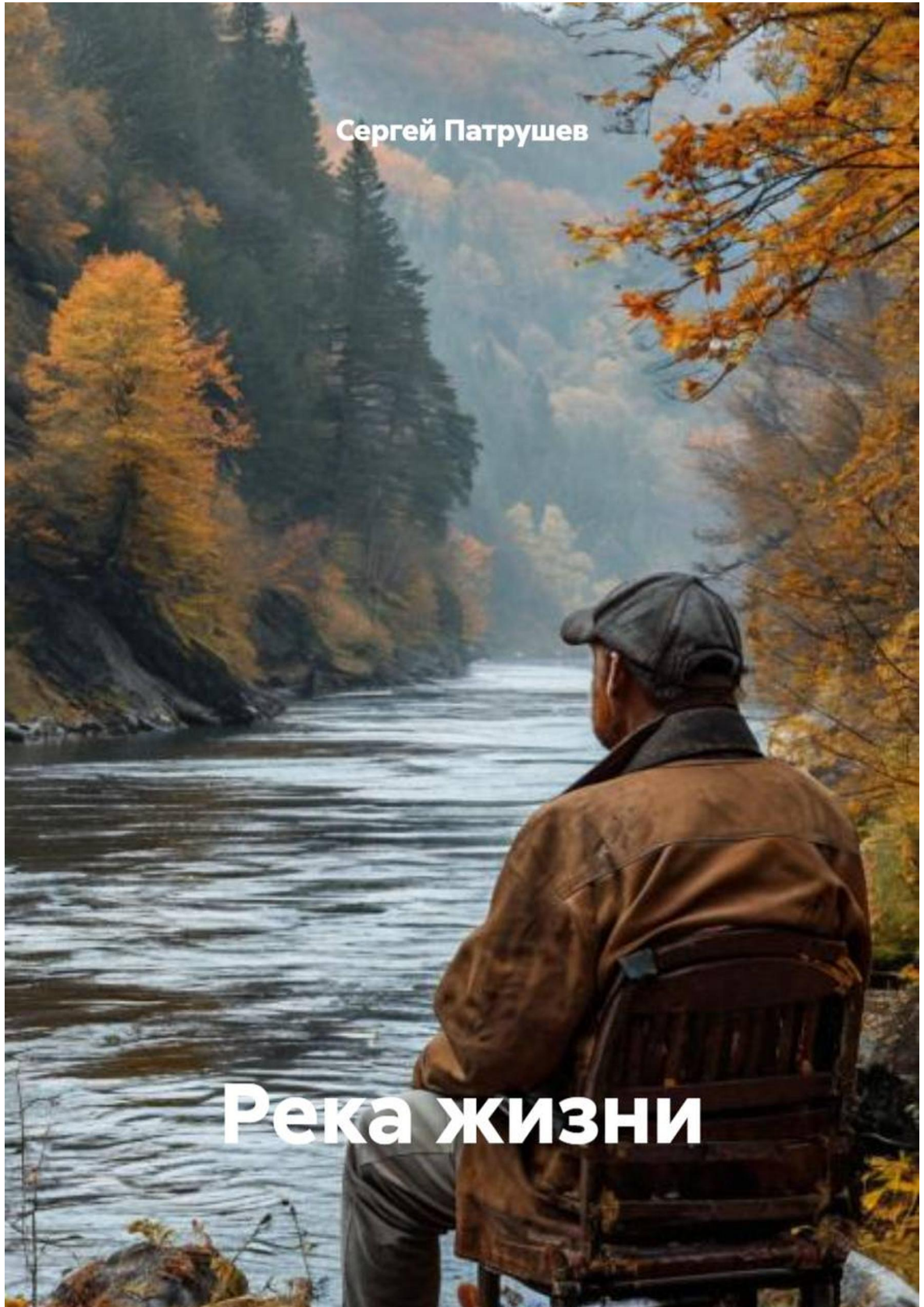

A man in a brown jacket and cap sits on a wooden bench, looking down a river in a forest with autumn foliage.

Сергей Патрушев

Река жизни

Сергей Патрушев

Река жизни

«Автор»

2026

Патрушев С.

Река жизни / С. Патрушев — «Автор», 2026

Роман рассказывает историю Сергея, мужчины сорока семи лет, который на пороге осени своей жизни оказывается один на один с рекой и собственными мыслями. Уставший от бесконечной гонки, привычной рутины и ощущения, что настоящая жизнь прошла мимо, он сидит на рыбацком кресле и переосмысливает прошлое. В тишине утреннего тумана перед ним проходят годы: несбывшиеся мечты, несказанные слова, потерянное время с детьми и женой. Но именно здесь, на берегу, происходит внутреннее перерождение героя. Осознав, что самое главное всегда было рядом, Сергей решает изменить свою жизнь, начать говорить о любви, ценить каждый момент и восстановить утраченные связи с семьей. Повествование охватывает несколько лет, наполненных поездками к сыну за Урал, рождением внука Миши, долгожданным примирением с женой Таней и обретением истинного счастья в простых вещах: в утреннем чае на двоих, в детском смехе, в вечном течении реки, которая становится свидетелем и хранительницей его судьбы.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	9
Глава третья	15
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Сергей Патрушев

Река жизни

Глава первая

Тяжелый поплавок из гусяного пера неподвижно застыл на зеркальной поверхности воды, будто приклеенный к свинцовой глади. Сергей сидел в рыбацком кресле, которое за долгие годы приняло форму его тела, и смотрел, как над противоположным берегом поднимается медленный, сонный туман. Утро только начиналось, и в этом раннем часе было что-то первозданное, словно мир только что создали и еще не включили звук. Тишина стояла такая, что можно было расслышать, как где-то далеко падает с дерева первый пожелтевший лист, касаясь других листьев, соскальзывает с ветки к ветке и наконец мягко шлепается в воду, пуская едва заметные круги.

Сорок семь лет. Цифра крутилась в голове сама собой, не требуя усилий для размышления. Полжизни уже точно прожито, а может, и больше. Он посмотрел на свои руки, лежащие на коленях – крупные, с выступающими венами, в мелких царапинах и застарелых мозолях, которые уже никогда не сойдут. Эти руки строили дом, таскали на себе мешки с цементом и доски, гладили по голове детей, держали женщину за талию, когда они танцевали под старый радиоприемник на кухне. А теперь вот держат удочку, и это, наверное, главное, что от них сейчас требуется.

Поплавок чуть дрогнул, но Сергей даже не шевельнулся. Пусть. Не за этим он сегодня пришел. Рыба была только предлогом, чтобы вырваться из города, из квартиры с ее бесконечными делами, из привычного маршрута "дом-работа-магазин-дом". Здесь, на берегу, время текло иначе. Оно не подгоняло, не звенело будильником по утрам, не заставляло спешить. Оно просто было, густое, тягучее, как этот медленно наползающий туман.

Он вспомнил, как тридцать лет назад точно так же сидел на этом берегу с отцом. Отец тогда сказал странную вещь: "Главное в жизни, Серега, не наловить рыбы, а не просидеть всю жизнь с удочкой в руках, думая, что ты что-то ловишь". Тогда эти слова показались глупыми и пафосными, отец любил такие заковыристые фразы. А сейчас Сергей вдруг понял, что именно это с ним и происходит. Он сидит на берегу своей жизни и смотрит на поплавок, ожидая, когда же дернет та самая большая рыба, ради которой все затевалось. А рыба, может, уже давно прошла косяками мимо, а он и не заметил, засмотрелся на облака.

Вода пахла тиной, прелой травой и свободой. Где-то за спиной, в городе, просыпались люди, заводили машины, начинали свой бесконечный бег. А здесь можно было просто сидеть и думать о том, что так и не случилось. О путешествии на Байкал, которое откладывалось каждый год "до лучших времен". О книге, которую он хотел написать, но так и не написал, потому что не о чем было, как ему казалось. А теперь вот сидит и понимает – было о чем. Целая жизнь была, а слова для нее так и не нашлись.

Солнце начало золотить верхушки сосен на том берегу, и туман стал редеть, открывая воду. Сергей перевел взгляд на поплавок – тот стоял мертво. И от этого даже стало спокойно. Никто не дергает, не требует действий. Можно просто сидеть и перебирать в памяти лица, которые давно уже стали черно-белыми фотографиями в старом альбоме. Мать с ее вечными

пирожками. Школьная учительница, которая сказала, что из него выйдет толк, и ошиблась. Первая любовь, пахнувшая сиренью и слезами. Где они все теперь? Живут свои жизни где-то параллельно, и никогда уже не пересекутся, разве что случайно в очереди в магазине, да и то сделаешь вид, что не узнал, потому что страшно подойти и увидеть чужого человека с чужими морщинами.

Внезапно поплавок резко ушел под воду, леска натянулась струной, и Сергей машинально, не думая, подсек. Рука привычно сделала то, что делала тысячи раз. В воде мелькнуло серебро, и через минуту на траве бился приличный подлещик, хватал ртом воздух и смотрел круглым немигающим глазом куда-то в небо. Сергей осторожно снял рыбу с крючка и, подержав в ладонях, ощутив холодную скользкую чешую и трепет жизни, опустил обратно в воду. Подлещик на секунду замер у берега, не веря своему счастью, вильнул хвостом и исчез в глубине.

Сергей улыбнулся, поправил наживку и снова закинул удочку. В конце концов, может, смысл не в том, чтобы поймать, а в том, чтобы просто сидеть на берегу, смотреть на воду и понимать, что ты никуда не спешишь. Что у тебя еще есть время подумать, вспомнить, простить себя за все, что не сделал, и принять жизнь такой, какая она есть – с тишиной, с туманом, с одним пойманным и отпущенным подлещиком и с этим бесконечным, успокаивающим ожиданием, когда дрогнет поплавок.

Он даже не заметил, как прошло утро. Солнце поднялось уже довольно высоко, растопило туман, и вода заиграла миллионами бликов, от которых слегка слезились глаза. Сергей прищурился, достал из старого рюкзака помятый термос с кофе и бутерброд с сыром, который жена завернула в пергаментную бумагу еще затемно. "На реку собрался, хоть поешь нормально", – сказала она, сунув ему этот сверток, и он тогда только отмахнулся, а сейчас сидел и жевал, чувствуя благодарность к ней за эту мелочь, за привычную заботу, которой уже перестал замечать.

Кофе был теплый, чуть горьковатый, но именно такой, какой надо. Он пил его маленькими глотками и думал о том, как странно устроена память. Вон то дерево на противоположном берегу, старая корявая сосна, которая накренилась над водой так, что того и гляди рухнет, – он помнит ее еще тоненькой, они с отцом сажали эти сосны, когда приезжали сюда в первые годы. Тогда здесь вообще ничего не было, дикий берег, крапива в человеческий рост да комары тучами. А теперь лес вымахал, сосны стали высокими, стройными, и только эта одна, кривая, наверное, память о том, как все начиналось. Или просто почва плохая, подмыло корни.

Жена... Он редко думал о ней вот так, наедине, без раздражения, которое часто проскальзывало в последние годы в их разговорах. Просто устали друг от друга, наверное. Дети выросли, разъехались, и в доме образовалась та самая пустота, которую ничем не заполнить, если не уметь говорить заново. А они не умели. Привыкли жить параллельно, сходились только на кухне за ужином, обсуждали бытовые мелочи и расходились по своим углам. Она вязала перед телевизором, он читал старые журналы или просто смотрел в окно. А ведь когда-то они могли проговорить всю ночь напролет, сидя на этой самой реке, только чуть ниже по течению, где берег пологий и песчаный. Она тогда смеялась, отмахиваясь от комаров, и говорила, что ни за что не выйдет замуж за рыбака, потому что рыбаки пропадают на реке сутками. И вышла ведь. И не жаловалась никогда. Просто ждала с работы, с рыбалки, с любых его отлучек. Всегда ждала.

Сергей допил кофе, заткнул термос пробкой и отставил в сторону. Поплавок снова замер в неподвижности, отражаясь в воде маленьким красным пятнышком. Он подумал о сыне. Пашка сейчас в городе за три тысячи километров, строит какую-то свою жизнь, о которой отец знает только по коротким звонкам по воскресеньям. "Как дела, пап?" – "Нормально". – "Как мама?" – "Тоже нормально". – "Ну ладно, я перезвоню". И не перезванивает до следующего воскресенья. И обижаться глупо, сам таким был. Тоже звонил своему отцу раз в месяц, если не реже, и всегда казалось, что впереди еще вечность, чтобы наговориться, чтобы спросить о важном, чтобы просто побыть рядом. А потом отца не стало, и все вопросы, которые так и не задал, остались висеть в воздухе, как этот туман по утрам. И теперь Сергей ловил себя на мысли, что говорит с отцом мысленно, вот так же сидя на берегу. Спрашивает совета, жалуется на то, что спина болит к непогоде, и на то, что никак не поймет, как дальше жить, когда главное уже позади. Отец молчит, конечно. Только вода плещется тихонько да птица какая-то кричит в кустах.

А дочь... Дочь была ближе, хоть и жила в соседнем городе, приезжала раз в месяц, привозила внуков. Двойняшки, сорванцы, от которых в доме становилось шумно и тесно, но через час после их отъезда наступала такая тоскливая тишина, что хоть вой. Он любил их возиться с ними, читать книжки на ночь, строить из конструктора замки, которые тут же разрушались маленькими ручками. Но внутри всегда сидело смутное чувство, что он что-то недодал своим собственным детям. Что работа, вечная гонка за деньгами, за тем, чтобы "было не хуже, чем у людей", съела то время, когда можно было просто быть рядом. Он помнил, как Пашка в пять лет просил покататься на велосипеде, а он отмахивался: "Потом, сынок, устал". А "потом" так и не наступило. Пашка сам научился кататься, упал, разбил коленку, пришел домой в слезах, а Сергей даже не помнит, где был в тот момент. На работе, наверное. Всегда на работе.

Он посмотрел на воду, и вдруг его накрыло осознание, от которого перехватило дыхание. Ведь он всю жизнь готовился жить по-настоящему. Сначала школа – надо доучиться. Потом институт – надо получить диплом. Потом работа – надо встать на ноги. Потом дети – надо их поднять. Потом кредиты – надо отдать. И все время казалось, вот еще немного, еще чуть-чуть потерпеть, напрячься, и тогда уж точно начнется та самая, настоящая жизнь, когда можно будет выдохнуть, оглядеться, порадоваться. А сейчас он сидит на этом берегу, и ему сорок семь, и дети выросли, и кредиты почти отданы, и работа уже не та, что раньше, попроще, поспокойнее, и времени полно по вечерам, а той самой, настоящей жизни все нет. И непонятно, когда она должна была начаться. Или это она и была, просто он ее не замечал, потому что все ждал чего-то другого, более яркого, более правильного, более похожего на кино?

Вон мужик в фильмах всегда в какой-то момент бросает все, уезжает на край света, встречается там женщину своей мечты, или спасает мир, или находит клад. А Сергей за всю жизнь ни разу ничего не бросил. Дом достроил, хотя мог бы продать и уехать, как когда-то мечталось. Работу не менял, привык. Жену не бросал, хотя всякое бывало, и мысли приходили, и возможности, наверное. И сейчас вот сидит с удочкой, пьет остывший кофе, и ему, в общем-то, ничего другого и не надо. Может, это и есть счастье? Не в том, чтобы мир спасать, а в том, чтобы просто сидеть на берегу реки, которая течет мимо твоей жизни, и знать, что дома тебя ждут, что дети, хоть и редко, но звонят, что внуки приедут на выходные и снова разнесут квартиру в щепки своей неугомонной энергией.

Поплавок снова дернулся, на этот раз резко, уверенно, и Сергей подсек почти рефлекторно. Леска натянулась, удилище согнулось в дугу, и он почувствовал тяжесть, совсем другую, чем утром. Рыба пошла в глубину, пытаясь уйти в коряги, но Сергей знал здесь каждый

камень на дне, он мягко, но настойчиво вываживал добычу, чувствуя, как в руках пульсирует упругая, сильная жизнь. Через несколько минут на песке у его ног бил хвостом приличный язь, темно-золотой, с красными плавниками, красавец. Сергей смотрел на него и чувствовал, как в груди разливается что-то теплое, почти детское. Поймал. Всё-таки поймал. Он осторожно взял рыбу, подержал в руках, взвесил – граммов восемьсот, не меньше. Можно было бы и в ведро, и домой принести, и пожарить, и жену порадовать, и самому съесть с удовольствием. Но он вдруг вспомнил утреннего подлещика, свой жест, и, недолго думая, наклонился к воде, разжал пальцы.

Язь на секунду замер в его ладонях у самой поверхности, словно не веря в свое освобождение, потом резко дернулся и ушел в глубину, только темный силуэт мелькнул и растаял в зеленоватой воде. Сергей выпрямился, вытер мокрые руки о штаны и усмехнулся. Вот так и живем: ловим, отпускаем, ловим снова. И непонятно, что важнее – сам процесс или этот момент, когда держишь в руках то, что поймал, и понимаешь, что можешь отпустить. Можешь, потому что не голоден, потому что не нужна тебе эта рыба позарез, потому что есть выбор.

Солнце припекало уже совсем по-летнему, хотя календарно осень стояла на пороге. Сергей снял куртку, бросил на траву, остался в старой клетчатой рубашке с закатанными рукавами. Захотелось вдруг скинуть ботинки, зайти в воду, постоять босиком на скользких камнях, как в детстве. Но он постеснялся самого себя, подумал, что глупо в его возрасте босиком по холодной воде шлепать, радикулит схватишь. А потом подумал, что глупо как раз думать о радикулите, когда тебе сорок семь и ты сидишь на берегу реки, и солнце светит, и рыба клюет, и весь мир перед тобой. И встал, и стащил ботинки, и закатал штаны до колен, и вошел в воду, охнув от ледяных иголок, впившихся в ступни.

Постоял, привыкая. Вода обтекала щиколотки, прохладная, чистая, живая. На дне перекатывались мелкие камушки, песок щекотал пятки. Сергей смотрел на свои ноги, белые, не загоревшие за лето, и вдруг почувствовал себя мальчишкой, каким был когда-то давно, когда весь мир умещался в этой реке, в этом лесу, в этом бесконечном лете, которое тогда казалось вечным. И он запрокинул голову к небу, и зажмурился от солнца, и улыбнулся сам себе, своей глупости, своей свободе.

А когда вернулся на берег, сел в кресло и снова закинул удочку, то поймал себя на мысли, что совсем не хочет домой. Что готов сидеть здесь до вечера, до ночи, до утра. И пусть никто не клюет, пусть поплавок стоит как вкопанный, все равно хорошо. Потому что здесь, на этом берегу, он принадлежит только себе. И времени у него еще вагон. И жизнь, кажется, только начинается. Ну или хотя бы не заканчивается. А это уже немало.

Глава вторая

Вечер опускался на реку медленно, как занавес в старом театре, который Сергей видел всего раз в жизни, еще школьником, когда классом возили в областной центр на спектакль. Тогда ему показалось это невероятно красивым – тяжелый бархат, золотые кисти, торжественность момента. Сейчас он смотрел, как солнце садится за сосны, и думал, что природа умеет создавать декорации лучше любого художника. Вода потемнела, приобрела густой, почти чернильный оттенок, а небо над головой горело всеми оттенками оранжевого и розового, словно кто-то разлил акварель и не стал вытирать.

Сергей не заметил, как задремал. Просто сидел в кресле, глядел на воду, а потом вдруг открыл глаза и понял, что уже почти стемнело, поплавка не видно, а в ушах стоит странная, звенящая тишина, какая бывает только в сумерках у воды. Он поежился – вечерняя сырость пробралась под рубашку, заставила кожу покрыться мурашками. Надо бы собираться, пока совсем не стемнело, пока тропинка через лес видна. Но тело не слушалось, не хотело подниматься, отрываться от этого места, от этого покоя.

Он вдруг подумал о том, что никогда не боялся смерти. Вернее, не так – он никогда о ней всерьез не думал. В молодости казалось, что это где-то далеко, за горизонтом, в другой жизни, до которой еще дожить надо. В зрелые годы было некогда, все бегом, все дела, какие там размышления о вечном. А сейчас вот сидит в темноте, смотрит на реку, которая текла здесь тысячи лет и еще тысячи лет протечет после него, и понимает, что смерть – это просто часть пейзажа. Как это дерево, упавшее в воду, как вон тот камень на середине реки, который торчит из воды уже при его памяти. Все когда-нибудь кончается. Даже эта река когда-нибудь высохнет или повернет в другое русло. Геологи говорят, реки живут миллионы лет, но Сергею этого было не представить. Он мыслил человеческими мерками – дом, работа, дети, внуки. И в эту мерку смерть укладывалась с трудом, но уже не пугала. Просто была где-то рядом, как тот туман утром, который пришел и ушел, а вода осталась.

Он вспомнил отца. Тот умирал тяжело, долго, в больнице, с капельницами и уколами. Сергей тогда приезжал каждый день, сидел у кровати, держал за руку, говорил какие-то глупости, лишь бы не молчать. А отец смотрел в потолок и молчал. И только однажды, когда Сергей уже собрался уходить, прошептал: "Ты меня, Серега, не поминай лихом. Я все для вас старался. Может, не так вышло, как хотелось, но старался". Сергей тогда не нашелся что ответить, только кивнул и вышел в коридор, где долго стоял у окна и смотрел на больничный двор, на чахлые кусты сирени, на скамейки, где курили такие же, как он, взрослые дети умирающих родителей. А через три дня отца не стало. И сейчас, сидя на берегу, Сергей вдруг понял, что так и не сказал ему главного. Не сказал, что прощает ему все – и вечную занятость, и редкие выходные, и то, что не научил тогда, в детстве, тому самому главному, чему должен отец научить сына. Не сказал, что любит, несмотря ни на что. Просто любит, потому что он отец, потому что из него, из этого молчаливого, усталого мужика с мозолистыми руками, выросла его собственная жизнь.

Из темноты донесся плеск – крупная рыба выпрыгнула из воды и снова ушла в глубину, разогнав зеркальную гладь кругами, которые были видны даже в сумерках. Сергей проводил их взглядом и подумал о сыне. Пашка сейчас, наверное, ужинает со своей семьей, о чем-то разговаривает с женой, смеется над детскими выходками. И не знает, что отец сидит здесь, в темноте, и думает о нем. И никогда не узнает, если не сказать. А сказать страшно. Страшно

показаться слабым, сентиментальным, смешным. Страшно, что сын отмахнется, скажет: "Да ладно, пап, чего ты". Или того хуже – промолчит в трубку, и эта тишина повиснет между ними, как та паутина, что сейчас плывет по воде, почти невидимая, но цепкая.

Сергей вздохнул, нащупал в кармане мобильник. Связь здесь ловила плохо, но иногда, если вытянуть руку в сторону реки, можно было поймать один-два деления. Он вытянул руку, посмотрел на экран – одна полоска горела тускло, но горела. Пальцы замерли над кнопками, не решаясь нажать. Что сказать? "Сын, я тут сижу на реке и думаю о тебе"? Глупо. "Ты как вообще, нормально?" – это можно было и в воскресенье спросить. А хотелось сказать что-то другое, важное, то, что словами не выразить, только чувством. Хотелось, чтобы Пашка просто знал, что у него есть отец, который его любит. Который, может, и не умеет это показать, не умеет говорить красиво, но который готов отдать все, что у него есть, лишь бы у сына все было хорошо. Лишь бы он не повторил его ошибок. Лишь бы не сидел через двадцать лет на таком же берегу и не жалел о том, что не сказал вовремя.

Он убрал телефон в карман. Не сейчас. Не по телефону. Приедет – скажет. Или не скажет, а просто обнимет, как в детстве, когда Пашка был маленький и засыпал у него на плече после того, как они вместе смотрели мультики. Тогда слова были не нужны. Тогда все было понятно без слов. Может, и сейчас поймет. Может, это умение понимать без слов и есть самая главная связь, которая не рвется, даже когда тысячи километров между вами и недели молчания.

Луна поднялась из-за леса неожиданно, огромная, почти круглая, и залила реку холодным серебряным светом. Стало видно каждый листок на воде, каждую травинку на берегу. Сергей смотрел на лунную дорожку, которая тянулась от того берега прямо к его ногам, и ему вдруг показалось, что по этой дорожке можно уйти куда-то далеко, в другую жизнь, где все будет по-другому. Где он не будет бояться говорить важные слова. Где не будет жалеть о несделанном. Где каждый день будет прожит так, как будто он последний, но без паники и суеты, а с тихой радостью и благодарностью.

Вдалеке ухнула сова, ей откликнулась другая, и лес наполнился ночными звуками, которых днем не слышно – шорохами, писками, редкими вскриками. Сергей поежился, но не от холода, а от ощущения, что он здесь не один. Что лес живет своей жизнью, река живет своей, и они, люди, в этой жизни только гости, временные, ненадолго. И от этого почему-то становилось спокойно. Не ты центр вселенной, не твои проблемы самые важные, не твоя смерть самое страшное событие. Ты просто часть большого мира, маленькая часть, и у этой части есть свое место и свое время.

Он все-таки заставил себя встать, собрать удочки, сложить рюкзак. Ноги затекли от долгого сидения, спина ныла, но на душе было легко, как давно уже не бывало. Перед тем как уйти, он обернулся и посмотрел на реку в последний раз. Луна уже поднялась выше, лунная дорожка стала шире, и казалось, что река светится изнутри каким-то своим, потаенным светом. Сергей постоял минуту, потом развернулся и пошел по тропинке в лес, туда, где в темноте угадывалась машина, оставленная на опушке.

Тропинка вилась между сосен, ноги сами находили дорогу, привычные за много лет. Идти было легко, хотя рюкзак тянул плечи. Он думал о том, что завтра утром надо будет съездить на рынок, купить продуктов, потом заехать к теще, она просила помочь с дровами, потом встретить внуков со школы, если дочь попросит. Обычные дела, обычный день. Но сегодняшний вечер останется в нем, останется где-то глубоко, и будет согревать в минуты, когда станет тоск-

ливо и одиноко. Потому что он понял сегодня что-то важное. Не сформулировал, не записал, просто почувствовал кожей, каждой клеточкой – жизнь идет, и она прекрасна. Даже такая, обычная, с ее болячками и проблемами, с невысказанными словами и несделанными делами. Она прекрасна уже тем, что она есть. Тем, что можно сидеть на берегу, смотреть на луну и знать, что где-то там, в городе, спят твои дети и внуки, и ты им еще нужен. Хотя бы иногда. Хотя бы завтра, когда привезешь продукты и поможешь с дровами.

Машина стояла на месте, покрытая ночной росой. Сергей бросил рюкзак в багажник, сел за руль, завел двигатель. В салоне запахло бензином и старой обивкой. Он включил фары, и свет выхватил из темноты знакомую дорогу, уходящую в лес. Прежде чем тронуться, он еще раз посмотрел назад, туда, где за деревьями угадывалась река. "Я еще приду", – сказал он вслух, и сам удивился своему голосу, хриплому от долгого молчания. – "Я обязательно приду".

Машина тронулась, зашуршала шинами по гравию, и через минуту лес сомкнулся за ней, скрыв и реку, и лунную дорожку, и тот покой, который Сергей нашел там, на берегу. Впереди была ночная дорога, пустая трасса и город, спящий в предвкушении нового дня. А в душе у Сергея что-то изменилось, сдвинулось, освободилось от многолетнего груза, и он вез это новое чувство домой, как самый ценный улов, который не надо чистить и жарить, который просто есть, и этого достаточно.

Он въехал в город уже за полночь. Окраинные улицы спали крепко, только редкие фонари разгоняли темноту желтыми кругами света, да где-то вдалеке лаяла собака, захлебываясь собственным голосом. Сергей вел машину медленно, не спеша, хотя обычно в такое время хотелось быстрее добраться до дома, упасть в кровать и забыться. Сегодня он специально тянул время, сворачивал не там, где обычно, делал крюк через старый парк, мимо школы, в которой учился, мимо дома, где прошло его детство и которого давно уже не было – снесли под новостройку, а он все равно каждый раз смотрел в ту сторону, будто надеялся увидеть знакомый силуэт с резными наличниками и покосившимся крыльцом.

Город ночью был другим, незнакомым и чужим. Без суеты, без вечных пробок, без толп людей, спешащих по делам, он казался вымершим, декорацией к фильму, которую забыли убрать после съемок. Сергей поймал себя на мысли, что этот ночной город нравится ему больше, чем дневной. В нем было что-то честное, неприкрытое – обшарпанные стены, которые днем скрывали вывески и реклама, покосившиеся заборы, мусорные баки, переполненные до такой степени, что крышки не закрывались. Все это было правдой, и от этой правды почему-то становилось легче.

Он припарковался во дворе своего дома, заглушил мотор и долго сидел в машине, глядя на темные окна квартиры на четвертом этаже. Жена спала, конечно, уже давно. Она всегда ложилась рано, вставала рано, и этот их режим давно уже развел их по разным половинкам ночи. Раньше это раздражало, казалось знаком отчуждения, а сейчас он подумал – может, оно и к лучшему. Не надо объяснять, где был, почему так долго, почему не позвонил. Не надо врать или, что еще хуже, говорить правду, которую она все равно не поймет. Как объяснить, что ты сидел на берегу, смотрел на луну и думал о смерти, о сыне, об отце, о том, что жизнь прошла, и одновременно о том, что она только начинается? Как объяснить это женщине, которая двадцать пять лет встает в шесть утра, чтобы приготовить завтрак, и ложится в десять, потому что завтра снова вставать в шесть?

Он вышел из машины, достал из багажника рюкзак с пустым термосом и не съеденным бутербродом, и пошел к подъезду. Лифт не работал – опять, уже который месяц, – и он побрел пешком по знакомой лестнице, считая ступеньки, как делал это тысячи раз. Площадка второго этажа пахла кошками и капустой из какой-то квартиры, третьего – сыростью и старыми половиками, четвертого – его собственным домом, тем запахом, который не спутаешь ни с чем: смесь борща, свежего белья и еще чего-то неуловимого, что называется просто "дом".

Он открыл дверь тихо, стараясь не шуметь, разулся в прихожей и прошел на кухню. Включил маленький светильник над плитой, чтобы не зажигать люстру, поставил чайник. Руки сами делали привычные движения, а мысли были далеко, все там же, на реке, под луной. Он сел на табуретку, обвел взглядом кухню – чисто вымытую посуду на сушилке, занавески в цветочек, которые жена меняла каждую весну, календарь на стене с видами природы, где уже давно висел сентябрь, хотя на дворе был только август. Все знакомое до мелочей, до трещинки на кафеле у раковины, до царапины на столешнице, оставленной когда-то ножом, когда они с Пашкой чистили картошку и сын баловался, пытаясь вырезать из нее какую-то фигурку.

Чайник закипел и выключился сам, щелкнув автоматическим выключателем. Сергей налил себе кружку, достал с полки банку с мятой, которую жена сушила летом, бросил пару веточек в кипяток и сел смотреть в окно. Из кухни был виден соседний дом, такой же панельный, как их, с такими же квадратами окон, за которыми спали такие же люди. Только в одном окне горел свет, на пятом этаже, кто-то не спал так же, как он. Сергей вдруг задумался – кто там? Может, такой же мужик, вернувшийся с рыбалки, или молодой парень, который не может уснуть из-за несчастной любви, или старуха, у которой болят кости и она пьет таблетки, запивая теплым молоком. А может, женщина, которая ждет кого-то, кто не придет, и все смотрит на дорогу, хотя давно пора лечь и забыться. Мысль о том, что у каждого окна своя жизнь, своя боль, своя радость, вдруг кольнула его чем-то острым и теплым одновременно. Они все тут, в этих клетушках, варятся в собственном соку, думают, что их проблемы самые важные, их жизнь самая трудная, их радости самые большие. А если подняться высоко-высоко, на уровень спутника, то все эти окна – просто светящиеся точки, и не разобрать, где горе, а где счастье.

Он отхлебнул чай, обжегся, поставил кружку. Из комнаты донесся шорох, скрипнула кровать, и через минуту в дверях кухни появилась жена – заспанная, в старом халате, который она носила уже лет десять, с взлохмаченными волосами и удивленными глазами.

– Ты чего не спишь? – спросила она сиплым со сна голосом. – Я думала, ты утром придешь.

– Да вот, сижу, чай пью, – ответил Сергей, чувствуя почему-то вину, будто его застали за чем-то постыдным.

– Рыбу-то поймал? – спросила она, подходя к плите и тоже наливая себе чай, привычным движением, как делала это тысячи раз.

– Поймал, – сказал Сергей и вдруг улыбнулся. – Двух. Одного отпустил утром, одного вечером.

Жена посмотрела на него странно, с прищуром, будто проверяя, не шутит ли он, не сбрендил ли там, на реке, от одиночества.

– Отпустил? – переспросила она. – Зачем?

Сергей пожал плечами и посмотрел в окно, на тот далекий горящий огонек.

– Не знаю. Захотелось. Просто так.

Она села напротив, обхватила кружку ладонями, глядя на него поверх края. В полумраке кухни ее лицо казалось моложе, мягче, и Сергей вдруг увидел ту девушку, с которой когда-то сидел на этой самой реке, только ниже по течению, на песчаном берегу. Ту, которая смеялась, отмахиваясь от комаров, и говорила, что ни за что не выйдет замуж за рыбака. Она тогда была тоненькая, с длинной косой, с веснушками на носу, которые стеснялась и которые ему так нравились. Сейчас веснушек почти не осталось, волосы короткие и седые у висков, руки в мелких трещинках от воды и мыла. Но глаза были те же. Те же самые глаза, которые смотрели на него тогда, тридцать лет назад, и в которых плескалась та же река, то же солнце, та же надежда на что-то большое и светлое.

– Ты чего так смотришь? – спросила она, отводя взгляд. – Налил бы мне еще.

Он налил. И вдруг, сам не ожидая от себя, взял ее руку в свою. Просто взял и положил на стол, накрыв своей ладонью. Рука была теплая, сухая, чуть шершавая. Она замерла, не двигаясь, и Сергей почувствовал, как напряглись ее пальцы. Молчание повисло между ними, густое, как тот утренний туман, и в этом молчании было больше, чем в любых словах, которые они могли бы сказать.

– Тань, – сказал он наконец. – А давай съездим куда-нибудь? В выходные. Ну или когда ты смену сдашь. Просто так, без дел, без огородов. Посидим где-нибудь. Хоть на той же реке.

Она подняла на него глаза, и в них было столько удивления, будто он предложил лететь на Луну. А потом вдруг улыбнулась той самой улыбкой, которую он помнил, которую любил, которая делала ее девчонкой, несмотря на седину и морщины.

– С ума сошел, – сказала она тихо. – Кто картошку копать будет? Вон, мать просила помочь, у нее участок совсем запущенный.

– Успеем с картошкой, – сказал Сергей тверже, чем думал. – Никуда она не денется. А мы с тобой, может, и не успеем. Не знаю куда, но не успеем.

Она помолчала, глядя на их руки, лежащие на столе. Потом медленно высвободила свою ладонь, встала, подошла к окну, спиной к нему. Стояла долго, глядя в темноту, и Сергей уже подумал, что сейчас откажет, найдет тысячу причин, почему нельзя, почему не получится, почему лучше отложить. Но она повернулась, и на глазах у нее блеснули слезы, которые она не вытирала.

– Дурак ты, Сережа, – сказала она голосом, в котором дрожала усмешка. – Сколько лет молчал, а сейчас на тебе, размышляешь. Ладно. Давай в субботу. Я отпрошусь. Только рыбу ловить не заставляй, я эту рыбу терпеть не могу с тех пор, как ты меня на нее променял.

Он хотел возразить, что не променял, что никогда не променял бы, но слова застряли где-то в горле. Вместо этого он просто подошел к ней, обнял, прижал к себе, чувствуя, как пахнет

ее халат знакомым домашним запахом, как пахнут ее волосы сном и чем-то неуловимым, что называется жизнью. Она уткнулась носом ему в грудь, и они стояли так посреди кухни, под тусклым светом лампочки над плитой, и за окном начинал заниматься рассвет, серый, неверный, но обещающий новый день.

А река текла там, далеко, за лесом, за полями, за спящим городом. Текла и ждала. Ждала их обоих.

Глава третья

Суббота началась с того, что Таня разбудила его ни свет ни заря, хотя обычно в выходные он вставал сам, а она досматривала сны до девяти. Но сегодня она уже гремела на кухне посудой, и запах свежего кофе пробивался сквозь дремоту, смешиваясь с чем-то еще, давно забытым – кажется, она пекла блины. Сергей открыл глаза и долго лежал, глядя в потолок, на котором играли солнечные зайчики от еще не зашторенного окна. В груди было странное, почти детское волнение, будто за окном ждала не обычная поездка на реку, а самое главное приключение в жизни.

На кухне его ждал накрытый стол: стопка румяных блинов, масло в масленке, банка с прошлогодним вареньем из смородины, которую Таня варила сама, и большая кружка дымящегося кофе. Сама она сидела напротив, уже одетая – в старые джинсы, которые он любил на ней больше всех новых нарядов, в легкую кофту с длинным рукавом и с платком на голове, скрывающим бигуди. Она смотрела на него и улыбалась, и в этой улыбке было что-то заговорщическое, тайное, будто они снова стали подростками, сбежавшими с уроков.

– Ешь давай, – сказала она, пододвигая тарелку. – Замерзнешь там, на воде, без калорий никак.

Он сел, взял блин, свернул трубочкой, макнул в варенье и только тогда заметил, что на полу у порога стоит собранная сумка, а рядом с ней – ее старое раскладное кресло, которое она брала с собой на речку только в первые годы их знакомства, а потом оно пылилось в кладовке, потому что "некогда, да и зачем, я лучше дома посижу".

– Ты серьезно? – спросил он, кивая на кресло.

– А что? – Она пожала плечами, но глаза ее смеялись. – Думаешь, я уже не влезу? Влезу, не переживай. Искупаться, правда, не буду, вода холодная, а посидеть – почему нет.

Сергей доел блин, запил кофе и вдруг, встав из-за стола, подошел к ней и поцеловал в макушку, прямо через платок, пахнувший лаком для волос и чем-то домашним, уютным. Она удивленно вскинула брови, но ничего не сказала, только отвернулась к окну, пряча смущение.

Выехали они, когда солнце уже поднялось достаточно высоко, чтобы растопить утреннюю прохладу, но еще не начало припекать по-настоящему. Город просыпался медленно, лениво, как кот на подоконнике. Машин было мало, светофоры мигали желтым, и Сергей ловил себя на том, что улыбается без причины, просто глядя на дорогу, на проплывающие за окном дома, на редких прохожих с собаками, на бабушек, уже успевших занять скамейки у подъездов.

Таня сидела рядом, смотрела вперед и молчала. Иногда она поправляла выбившуюся из-под платка прядь, иногда поворачивалась к нему и быстро, будто украдкой, оглядывала его профиль, и отводила взгляд. Сергей чувствовал это боковым зрением, но не подавал вида, только внутри разливалось что-то теплое и давно забытое – ощущение, что он кому-то нужен, не как муж, который приносит зарплату и чинит кран, а как просто он, Сережа, с которым когда-то хотелось сидеть на берегу и смотреть на луну.

За городом дорога стала хуже, пошли ямы и колдобины, машину трясло, и Таня схватилась за ручку над дверцей, но не попросила ехать медленнее, только сжала губы и смотрела вперед с тем упрямством, которое Сергей знал в ней всегда и которое когда-то называл "ослиным", а теперь почему-то казалось милым.

– Терпи, казак, – сказал он, сбавляя скорость на особо крупной яме. – Скоро уже лес начнется, там дорога получше.

– А я и не жалуюсь, – ответила она, не поворачивая головы. – Я вообще молчу.

Лес встретил их запахом хвои и прелой листвы, прохладой и тишиной, которая навалилась сразу, как только они съехали с асфальта на грунтовку. Сергей приоткрыл окно, и в салон ворвался свежий, чуть горьковатый воздух, перемешанный с бензином и нагретой пылью. Таня глубоко вдохнула и закрыла глаза, откинувшись на сиденье.

– Хорошо-то как, – сказала она тихо. – Чего мы раньше так не делали? Ведь близко же, полчаса езды.

Сергей промолчал. Что он мог ответить? Что работа, что дела, что дети, что вечная гонка, в которой они оба забыли, что существуют друг у друга? Он просто протянул руку и накрыл ее ладонь, лежащую на колене, своей. Она вздрогнула, открыла глаза, посмотрела на него удивленно, но руку не убрала. Так они и ехали дальше – молча, держась за руки, глядя на мелькающие за окном сосны, на редкие поляны с высокой травой, на пролетающих птиц, и это молчание было красноречивее любых разговоров.

Машину он оставил на той же опушке, где всегда. Вышел, огляделся – все было по-прежнему, только трава чуть выше стала да кусты разрослись гуще. Таня выбралась следом, огляделась, потянулась, разминая затекшую спину, и вдруг замерла, глядя куда-то в сторону реки.

– А помнишь? – спросила она тихо.

– Что? – не понял он.

– Ну тут же, чуть дальше, мы сидели тогда. Когда еще встречались. Ты меня в первый раз сюда привез, я комаров боялась, а ты смеялся. Сказал, что настоящая рыбачка комаров не боится. А я и не рыбачка вовсе, просто с тобой поехала.

Сергей подошел, встал рядом, тоже посмотрел туда, где за деревьями угадывался спуск к воде. Он помнил. Все помнил. Как она сидела на пледе, поджав ноги, и отмахивалась от комаров веткой. Как он поймал первую рыбу, маленького окунька, и хвастался перед ней, будто поймал килограммового сома. Как они пили чай из термоса и целовались, когда стемнело, и комары уже были нипочем, потому что было не до них.

– Помню, – сказал он коротко. – Пойдем.

Они взяли сумки, удочки, кресла и пошли по тропинке, знакомой до каждого поворота, до каждой коряги. Таня шла сзади, иногда оступалась на кочках, и Сергей оборачивался, протягивал руку, помогал, и от этого было почему-то особенно хорошо, будто он снова стал тем молодым парнем, который ухаживает за девушкой и чувствует себя сильным и нужным.

Берег встретил их тишиной и блеском воды. Река текла так же, как и всегда, неспешно, величаво, равнодушная к тому, кто пришел на ее берега – молодые влюбленные или пожилая пара с морщинами и сединой. Сергей расставил кресла, выбрал место поудобнее, помог Тане сесть, укрыл пледом ее ноги, хотя было совсем не холодно. Она смотрела на эти его хлопоты и улыбалась той самой улыбкой, от которой у него когда-то екало сердце.

– Раскомандовался, – сказала она беззлобно. – Лучше удочки ставь, а то так без рыбы и уедем.

Он размотал удочки, наживил червяков, закинул. Поплавки замерли на воде, красные и белые, отражаясь в зеркальной глади. Сергей сел в свое кресло, вздохнул полной грудью и посмотрел на Таню. Она сидела рядом, откинувшись на спинку, глядя на воду, и лицо у нее было такое спокойное и умиротворенное, какого он не видел уже много лет. Будто она сбросила с плеч груз бесконечных забот, стирок, уборок, готовок, и стала просто женщиной, которая смотрит на реку и думает о чем-то своем, хорошем.

– Тань, – позвал он тихо.

– А?

– Ничего. Просто хорошо с тобой.

Она повернула голову, посмотрела на него долгим взглядом, и в глазах ее блеснуло что-то влажное, но она быстро отвернулась, уставилась на поплавки, будто ждала поклевки.

– Дурак ты, Сережа, – сказала она чуть слышно. – Столько лет молчал, а сейчас на тебе, размечтался. Ладно, сиди, рыбу лови.

Он улыбнулся и тоже уставился на поплавки. Но мысли его были далеко от рыбалки. Он думал о том, как мало нужно человеку для счастья. Просто сидеть рядом с тем, кого любишь, смотреть на воду, чувствовать тепло солнца и знать, что никуда не надо спешить, ничего не надо делать, ничего не надо доказывать. Просто быть. Быть здесь и сейчас. И чтобы она была рядом.

Солнце поднималось все выше, припекало уже совсем по-летнему, хотя август подходил к концу и скоро должны были начаться дожди и холода. Сергей снял куртку, бросил на траву, закатал рукава рубашки. Таня тоже размотала платок, распустила волосы, потрянула головой, и они рассыпались по плечам седыми прядями, которых с каждым годом становилось все больше. Но ему они нравились. В них была их общая жизнь, их годы, их трудности и радости. Каждая седая прядь – как страница их общей книги.

Поплавок Тани вдруг дернулся, ушел под воду, и она вскрикнула, не столько от испуга, сколько от неожиданности.

– Сережа! Клеует! – закричала она, хватая удочку неумелыми руками.

– Тащи, тащи! – заорал он, вскакивая с кресла.

Она тянула, путаясь в леске, чуть не уронила удилище в воду, но все-таки вытащила на берег небольшого окунька, полосатого, с красными плавниками, который отчаянно бился на траве. Таня смотрела на него круглыми глазами, полными восторга, и Сергей вдруг понял, что никогда не видел у нее такого лица. Даже когда дети родились, даже когда Пашка первый шаг сделал. Тогда была усталость, радость, но другая, приправленная страхом и ответственностью. А здесь была чистая, детская радость от того, что у нее получилось, что она сама, своими руками, поймала живую рыбу.

– Сними! – потребовала она. – Сними скорее, ему же больно!

Сергей аккуратно снял окунька с крючка, подержал в ладони, чувствуя, как бьется маленькое упругое тельце. Посмотрел на Таню.

– Что делать будем? – спросил он. – В ведро или отпустим?

Она задумалась на секунду, глядя на рыбу, на его руки, на реку. Потом решительно мотнула головой.

– Отпускай. Пусть живет. Мне не жалко.

Сергей наклонился к воде, разжал пальцы. Окунек на мгновение замер у поверхности, будто не веря в свое счастье, потом метнулся в глубину и пропал в зеленоватой толще. Таня проводила его взглядом, вздохнула и села обратно в кресло, поправляя волосы.

– Вот так, – сказала она задумчиво. – Поймала и отпустила. А все равно приятно. Как будто что-то важное сделала.

Сергей смотрел на нее и думал, что она сама не понимает, насколько важные слова сказала. Поймала и отпустила. Как они друг друга когда-то поймали и держали всю жизнь, не всегда нежно, не всегда правильно, но держали. И сейчас, на этом берегу, он чувствовал, что готов отпустить все обиды, все недомолвки, все годы, когда они были рядом, но порознь. Отпустить, чтобы поймать заново, по-настоящему.

Он сел рядом, взял ее за руку, и они долго сидели молча, глядя, как солнце медленно ползет по небу, как по воде бегут легкие волны от ветерка, как стрекозы зависают над камышами и срываются с места, сверкая крыльями. Рыба не клевала, но это было уже неважно. Важно было то, что они здесь, вместе, и что впереди у них еще целый день, и вечер, и ночь, и, может быть, еще много дней и ночей, если они не поленятся их прожить по-настоящему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.